

Д.К. Чимитова, В.В. Номогоева

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БУРЯТИИ в 1920-е годы

Необходимость обращения к историческому опыту взаимоотношений власти и культуры обусловлена особенностями современного этапа социально-политического и культурного развития страны, когда культура признается одной из главных составляющих «духовной устойчивости» общества. Особого внимания при этом заслуживает проблема развития региональной культурной политики на примере национальной республики, без которой рассмотрение государственного влияния в многонациональном государстве не может быть успешным.

Управление созданием новой культуры в Бурятии осложнялось затянувшейся гражданской войной и своеобразными историческими условиями поэтапного государственного строительства двух Бурятских автономных областей РСФСР и ДВР. В Западной Бурятии в начале 1922 г. была создана Бурятская автономная область в составе Российской Федерации. Восточная Бурятия в силу сложной международной обстановки оказалась в составе Дальневосточной республики. Становление Бурятской автономной области Дальнего Востока происходило в условиях продолжающейся в апреле 1920 г. вооруженной борьбы. В результате возникали различного рода сложности в системе управления культурным строительством. При создании системы органов власти и управления Бурятской автономной области РСФСР был непосредственно использован опыт национально-государственного строительства в Советской России. Автономия бурят в составе ДВР была вынужденной мерой, связанная с необходимостью организации Дальневосточного буфера. И хотя в ней также шли процессы советизации, параллельное существование двух равнозначных административных единиц было в дальнейшем совершенно недопустимо: ни с точки зрения государственной целесообразности, ни с

точки зрения экономии средств и сил. Наконец, такое положение не отвечало бы основным принципам национального самоопределения¹.

Начало процесса становления национальной государственности Бурятии было связано с образованием 30 мая 1923 г. Бурят-Монгольской АССР. В начале декабря 1923 г. состоялся I Республиканский съезд Бурят-Монгольской автономной Советской Социалистической Республики, избравший ЦИК республики, которому была передана вся полнота власти: создана система органов государственного управления.

Функции высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти по управлению культурной сферой республики выполнял Совет народных комиссаров Бурятской АССР. Его структурным подразделением, осуществлявшим непосредственное управление культурными процессами в республике, стал Народный комиссариат просвещения Бурятской АССР, утвержденный ВЦИКом по «Положению о государственном устройстве БМАССР» от 12 сентября 1923 г.²

Аппарат по управлению культурой становится одной из важнейших составляющих государственного механизма управления, складывающегося в этот период времени. Важность задач определяла многочисленность функций Наркомпроса БМАССР: управление народным образованием, политической пропагандой и собственно культурой. Подавляющая часть населения бывшей Российской империи была лишена элементарного образования, что обуславливало необходимость общего и политического (пропагандистского) просвещения. Руководство этим процессом было возложено на созданный при Наркомпросе политико-просветительный отдел — Бурятполитпросвет, при котором работала Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности³.

В начале 1920-х гг. в ЦК РКП(б) предпринял ряд мер по усилению своего, прежде всего политического влияния в сфере культуры. Первым шагом стала реорганизация как центральных, так и местных структур управления культурой. Происходила реорганизация системы культурно-

просветительной работы, руководство которой сосредоточилось в Главполипросвете и его органах на местах. Но при этом идейное руководство всей сферой культуры оставалось за Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б).

Особое место в этой системе занимал Главполитпросвет в силу своего двойного подчинения: в административно-организационном отношении — Наркомпросу, а в идеологическом — АПО ЦК РКП(б). Таким образом, была заложена основа непосредственного партийного руководства культурным строительством.

Материально-техническая база учреждений культуры в начале изучаемого периода была очень слаба, зачастую создавалась заново. Из отчета Бурнаркомпроса за 1923-24 учебный год: «Хозяйственное положение школ тяжелое, до 60% школ, хотя и имеют собственные здания..., но они пришли в ветхость и требуют капитального ремонта. Остальные школы помещаются в наемных зданиях, порой случайных, непригодных под школу, не удовлетворяющих и минимальным требованиям гигиены. Есть школы, особенно школы бурятских улусов, помещающиеся в одной комнате, имеющей квартирную площадь от 4 до 6 сажень, при плохом освещении, причем в этой комнате помещается класс, общежитие и квартира учителя...»⁴.

По точным расчетам Наркомпроса БМАССР, для введения всеобщего обучения необходимо было иметь 225 двухкомплектных зданий. На 1924-1925 учебный год бурятские школы таких зданий имели только пять⁵.

Несмотря на эти трудности, началось строительство новых школьных зданий, что привело к расширению сети школ, увеличению наполняемости классов, переводу школ-трехлеток на четырехгодичное обучение (в связи с необходимостью преподавания на родном языке в национальных школах продолжительность начального обучения увеличивалась на один год).

Политика форсирования темпов школьного строительства и введения всеобщего обучения не имела под собой соответствующей материально-

финансовой базы. Поэтому решение выдвигаемых задач осуществлялось во многом за счет чрезвычайных, штурмовых методов работы, а также за счет привлечения средств населения.

Пленум Бурятского облисполкома 1 февраля 1923 г. утвердил проект постановления о введении целевого налога на содержание школ первой ступени. На основании этого решения всем аймисполкомам было дано указание к апрелю 1923 г. закончить сбор средств на содержание школ в соответствии со сметами.

Совнарком БМАССР, учитывая это, поручил Наркомпросу проработать мероприятия, поощряющие строительство школьных зданий. Предоставление Совнаркомом РСФСР местным организациям права образования местных школьно-строительных фондов содействовало разрешению подобных проблем⁶.

Население Бурятии принимало активное участие в развитии школьной сети и в оказании материальной помощи школам. В целом по республике в 1925-1926 учебном году участие населения в школьном строительстве в переводе на деньги дало 15554 руб. 12 коп. внесметных средств⁷.

НЭП стал переломным моментом во многих областях жизни советского государства, в том числе и в культурном строительстве. Потребность в просвещении возросла, что стало особенно заметно в 1924-1925 г., когда местные жители начали буквально «осаждать» школу.

В этих условиях сохранять прежнюю систему финансирования, при которой вся тяжесть расходов ложилась на местные бюджеты, было невозможно. Государство вынуждено было взять на себя долю местных расходов по таким статьям, как увеличение зарплаты учителям, ликвидация неграмотности, школьное строительство. Тем более что у власти теперь появилась реальная возможность несколько улучшить финансирование системы народного образования, поскольку НЭП укрепила государственный бюджет.

Итак, в первые годы существования БМАССР в результате целенаправленной политики произошел рост сети общеобразовательных школ и численности учащихся. По мере общего улучшения экономического положения страны росли государственные ассигнования на образование; получила широкое распространение шефская помощь предприятий и учреждений школам. Все это позволило государству в августе 1925 г. принять декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети», в котором были определены предельные сроки для введения всеобщего обязательного обучения на всей территории РСФСР — 1933-1934 учебный год. Наполняемость комплекта была установлена из расчета 40 детей на одного учителя. Сеть школ для национальных меньшинств в тех местностях, где они не живут компактными массами, строилась на основании уменьшения комплекта до 30 учащихся. Декрет определил перспективу обеспечения школ соответствующими кадрами учителей⁸.

В 1927-1928 гг. в республике уже работало 357 школ, из них 338 — первой ступени, 15 семилетних школ, 4 средних. Среди школ первой ступени увеличилось число четырехлетних школ за счет сокращения двух- и трехлетних. Всего в школах обучалось 34764 ребенка. Охват детей в возрасте 8–11 лет школами возрос до 41%⁹.

Улучшилось хозяйственно-материальное состояние школ. К 1927-1928 учебному году в республике было построено на бюджетные средства 30 типовых зданий для школ первой ступени, из них на средства самого населения — 14 зданий. Многие здания были отремонтированы. Однако обеспеченность школ типовыми зданиями в целом по республике оставалась явно низкой и составляла 46,2%¹⁰.

После восстановительного периода средства в основном направлялись на процесс индустриализации страны. Поэтому недостаток средств на финансирование системы культуры можно считать систематическим.

Произошло увеличение доли средств на культуру в бюджете республики, если в 1925-1926 гг. она составляла 28%, то в 1926-1927 гг. — 32%. Большую роль в строительстве материальной базы культуры имело получение государственной ссуды. Только в 1927 г. за счет нее было построено 22 и начато строительство 15 зданий школ. Продолжала активно использоваться система самообложения, за счет которой в 1927 г. было построено 14 школьных помещений. В 1928-1929 гг. в республике за счет государственной ссуды и средств самообложения было введено в строй более 50 школьных зданий¹¹.

Непрерывно росло число школ и численность учащихся. К началу 1929-1930 учебного года в республике функционировало 557 начальных школ с 36200 учащимися. А к его концу число школ увеличилось до 597. Охват детей школьного возраста обучением вырос до 55,1%¹².

В конце 1920-х гг. отказ от политики НЭПа и ускорение темпов индустриализации привели к нарастанию элементов централизации в управлении. Роль местных органов власти в решении экономических, хозяйственных вопросов была сведена к минимуму.

Одной из основных задач государственной политики в области культурного развития стала ликвидация неграмотности. Однако, несмотря на все принимаемые меры и определенные успехи, общие выводы были неутешительными. В конце 1920-х годов СССР занимал только 19-е место в Европе по уровню грамотности. В Бурятии в 1920-е годы темпы ликвидации неграмотности были недопустимо низки относительно ставившихся планов и задач. Поэтому партийное руководство республики разработало мероприятия, обеспечивающие решительный перелом в работе, поставив практической задачей обучить грамоте 80 тысяч человек в ближайшее пятилетие¹³.

В мае 1929 г. Центральный Комитет заслушал отчет Бурятского обкома партии и принял развернутое постановление «О состоянии и работе Бурят-Монгольской парторганизации», в котором подверг резкой критике работу

областного комитета. Он указал на неудовлетворительное состояние культурного строительства Бурятской республики. Слабо было поставлено распространение элементарных культурных знаний в широких массах бурятского населения: ликвидация неграмотности, агропропаганда, санитарное просвещение. Центральный Комитет партии предложил Бурятской парторганизации сосредоточить в деле культурного строительства особое внимание на задачах массовой ликвидации неграмотности, увеличения охвата школьной сетью детей батрацко-бедняцких масс, особенно восточных аймаков и подготовки и переподготовки учителей-бурят.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности» (май 1929 г.) и указанием Центрального комитета по отчету Бурятского обкома основной задачей во всей системе культурно-воспитательной работы органов Наркомата просвещения, профсоюзов, кооперации, комсомольских организаций была признана ликвидация неграмотности и малограмотности населения. В июле 1929 г. бюро обкома партии специально рассмотрело вопрос о ликвидации неграмотности. В течение 1929-1931 гг. на бюро обкома вопрос о ликвидации неграмотности рассматривался – шесть раз.

В январе 1930 года бюро обкома партии признало ход работы по ликвидации неграмотности неудовлетворительным и дало указание — ликвидацию неграмотности и малограмотности в Бурятии считать ударной работой во всей системе культурно-воспитательной работы органов Наркомпроса, профсоюзов, кооперации, комсомола и других. Комиссии по ликвидации неграмотности при ЦИК БМАССР, аймачных и районных исполкомах Советов были реорганизованы в штабы культпохода. Постановлением ЦИК БМАССР этим штабам предоставлялись чрезвычайные права в деле мобилизации людей и средств по ликвидации неграмотности. Подтверждалась необходимость первоочередного обучения рабочих, батраков, колхозников и бедняков¹⁴.

Обком партии выдвинул задачу в основном завершить ликвидацию неграмотности в течение ближайших пяти лет, проводя при этом строго классовую линию.

В этом направлении культурного строительства был разработан и осуществлен ряд мероприятий. Прежде всего было обращено внимание на мобилизацию всей общественности, каждого грамотного на борьбу с неграмотностью, поставлена задача: к 1 июня 1932 г. ликвидировать неграмотность среди коммунистов, комсомольцев, рабочих, батраков, деревенской бедноты, членов профсоюза, кооперации и других групп организованного населения; не допускать обслуживания учреждениями ликбеза и школами малограмотных «лишенцев» и членов их семей, не восстановленных в избирательных правах. В постановлениях подтверждено, что ликвидацию неграмотности в западных аймаках следует проводить на бурятском языке. В условиях республики наиболее приемлемой формой обучения неграмотных признана система индивидуально-группового обучения, позволяющая охватить все слои населения. Культурно-просветительные учреждения обязывались проводить специальную работу с неграмотными и малограмотными путем создания общеобразовательных, политических и других кружков, проведения чток газет и бесед, устройства постановок спектаклей и т.д., выделив для этого особые дни.

Для решения этих задач была определена материально-финансовая база. В 1930 г. на ликвидацию неграмотности по бюджету Наркомпроса республики было отпущено 90 тыс. руб. Кроме того, Наркопрос совместно с Буркоопсоюзом, профсоюзами и обществом «Долой неграмотность» выделил 38 тыс. руб.¹⁵

Для расширения материальной базы ликвидации неграмотности создавались специальные фонды, составлявшиеся из ассигнований по бюджетам. С 1929 г. произошло увеличение средств, поступающих от организации на предприятиях и в учреждениях субботников и воскресников, из материальных взносов через прессу, самообложения населения, 20%

отчислений с культфондов профсоюзов и всех видов кооперации, из отчислений от займов индустриализации в размере 15% от сумм, поступающих в бюджеты исполкомов Советов¹⁶.

Общая направленность государственной политики в области преобразований культуры по-прежнему определялась с точки зрения задач «классовой борьбы пролетариата за социализм». Но эти задачи стали пониматься более упрощенно. В 1920-е годы преобладало представление о культурной революции как о многогранном процессе преодоления культурной отсталости страны. Ленин, который впервые ввел этот термин в 1923 г. в статье «О кооперации», употребил его именно в этом смысле. В выступлении Сталина в марте 1929 г культурная революция сводилась к введению обязательного начального, а затем среднего образования. В это же время в стране был взят курс на форсированную индустриализацию промышленности и насильственную коллективизацию деревни, что повлияло на темпы и методы культурных преобразований. Обстановка штурмовщины из хозяйственной сферы распространилась на народное образование. Система образования не была готова к решению поставленных задач «в кратчайший срок». Потому и ставка делалась на чрезвычайные меры. Употребление военизированной лексики («культпоход», «культштурм», «культармейцы») в таком мирном деле как обучение грамоте отражало атмосферу времени. Наиболее активно тенденции штурмовщины проявились в организации работы по преодолению безграмотности среди взрослого населения. Для этого было принято решение «всю работу ликбеза перевести на метод соцсоревнования и ударничества». Ярким свидетельством революционного подхода являются тезисы «Очередные задачи ОДН». Вот некоторые выдержки из этого документа: «...неграмотность — это наследие капитализма, вот почему борьба с неграмотностью — есть борьба революционная»¹⁷.

Как и по всей стране, в Бурятии широко проводились культэстафеты, встречные культпланы, практиковались слеты ликвидаторов и культармейцев для обмена опытом работы, организовывались методические конференции

Основой развертывания борьбы с неграмотностью стало массовое культпоходное движение по примеру саратовцев и москвичей, основными проводниками — новый отряд ликвидаторов неграмотности — культармейцы. Летом 1929 г. партийная организация организовала культпоход в восточные аймаки с целью поднятия масс на борьбу за грамотность¹⁸. Культпоходом, который длился один месяц, были охвачены два крупных восточных аймака — Селенгинский и Агинский, частично Хоринский, Еравнинский, Закаменский, Кяхтинский и др. В Селенгинский аймак для проведения культпохода из республиканских организаций выехало 12 человек, которые привлекли к работе общественность аймака. За время похода в аймаке было организовано 46 хотонных школ, охвативших 824 человека, проводилось индивидуально-групповое обучение на дому, создано 5 ячеек общества «Долой неграмотность» и 8 красных уголков, проведена 181 лекция и беседа, осуществлено 26 любительских постановок. К началу 1930 г. в Бурятии насчитывалось 1200 культармейцев. Перед партийными, профсоюзными, комсомольскими и женскими организациями была поставлена конкретная задача — в 1930 г. полностью ликвидировать неграмотность своих членов¹⁹.

Летом 1931 г. состоялись I республиканский съезд по культурному строительству и пленум Бурят-Монгольского областного комитета партии, на которых были подведены первые итоги борьбы за культурную революцию в республике в период развернутого наступления социализма по всему фронту. По призыву областной партийной организации в движение за ликвидацию неграмотности включились 1288 учителей и ликбезовцев, тысячи членов общества «Долой неграмотность», было охвачено обучением 18 тыс. человек. В Верхнеудинске, например, было охвачено обучением 100% неграмотных и малограмотных. Здесь была создана централизованная организация —

городской штаб по ликвидации неграмотности и малограмотности. До этого же работа по ликбезу в городе была распылена. Ее вели друг от друга изолированно органы народного образования, ОДН, профсоюзы, кооперация. Город был разбит на участки. Во главе каждого участка стоял организатор, в помощь ему были выделены консультант, методист и группа общественных преподавателей. Запросы ликбеза удовлетворялись всеми библиотеками, клубами и учреждениями искусства города.

Итак, кампания по ликбезу носила в первую очередь политический, нежели культурный характер. На всех этапах реализации кампании, невзирая на трудности, ей придавалось государственное значение, выделялись немалые средства из бюджета и привлекались к работе различные общественные организации. Таким образом, можно утверждать, что основными направлениями государственной политики в области культурной революции в Бурятии в первые годы существования советской власти были создание системы народного образования, в первую очередь школьной сети, и ликвидация неграмотности взрослого населения республики.

Примечания

¹ Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии. Улан-Удэ, 1972. С. 393.

² НАРБ, ф.р-60, оп.1, д.4, л. 35-36.

³ История Бурятской АССР. Т.2.Улан-Удэ, 1959. С.191.

⁴ НАРБ, ф.р-60, оп.1, д. 9, л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии. С. 223.

⁷ Ескевич Л. К вопросу о введении всеобщего начального обучения (в Бурятии). Жизнь Бурятии, № 10-12, 1926.

⁸ Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. Вып.1., АПН РСФСР, 1947. С.91.

⁹ Очерки истории культуры Бурятии. Т.2.Улан-Удэ, 1974. С.90.

¹⁰ НАРБ, ф. р-60, оп.1, д.125, л.101.

¹¹ НАРБ, ф-1П, оп.1, д.44, л.80.

¹² Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет. Врехнеудинск, 1933. С.115.

¹³ НАРБ, ф.р-60, оп.1, д.420, л.5.

¹⁴ Бурят-монгольская правда, 1930, 15 марта.

¹⁵ Бурят-монгольская правда, 1930, 22 января.

¹⁶ НАРБ, ф.р-60, оп.1, д.375, л.161.

¹⁷ НАРБ, ф. р-60,оп.3, д.108, л.10.

¹⁸ *Митупов Б.М., Санжиев Г.Л.* Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в Республике (1929-1937 гг.). Улан-Удэ, 1962. С.30.

¹⁹ Очерки истории культуры Бурятии. Т.2. С.79.